

Кошка-кашалот

Жила-была кошка-кашалот, и плавала она по морям, океанам, рекам и озёрам, и тянули к ней свои морские щупальца все головоногие и островные ракообразные. А ещё в том первичном океане плавал чуждый абсолютному разуму элемент Вольтерьер. И вот однажды с восходом трёх предельных солнц утренней зари встретились кошка-кашалот с грозной ордой всевеликого Вольтерьера. И состоялась эпохальная битва титанов, в коей вещество и антивещество сплелись воедино во имя безмерного зарождения ещё до начала времён. И рухнул мир старый, невоссозданный, и прогрохотали вспышки звёзд, лопающихся, словно воздушные бусинки белой икры на устах угольно-вороного космического великана. Разлетелись все искры интригами, и поверх них возростала плоскость новой Реальности — реальности вогнутости и выпуклости срезанного плана лунного кратера сознания. Кошкалоты возникли в созвездии Три Быконя возле системы Лебеда, однако же не ведали суть творения, не постигнув своё основное строение через воплощение бытия. Они были заняты поиском новых, ещё не выбранных смыслов. Кошкалоты положили себя на небеса, и их проекция, развевающаяся взнезмым флагом, столетиями ещё ублажала взоры ею порождаемых владык. Так сложились две партии глядящих вовнутрь друг друга: порожденец кошка-кашалот и ею порождённый кошкалот. И начали он преклоняться друг пред другом, и, потрясая дредами, достигли, наконец, кондиции тотальной по степени инфернального рационализма совместимости. И естество их, сплетённое воедино, соединилось в пляске развеществлённого Солнца, обращённого тыльной стороной вовнутрь своих очень личных фрактальных метаморфоз. Сливались сущности в бурном танце трансплазматического гипергеномозга, разлетающегося грустными календулами золотистых лепестков, воздавая вездесущую дань ведущим сферам восприятия. А когда улеглась сверхновая пыль этой вторичной вселенной, и утихли знамененосные улы, заново все выпуклости стали вогнутыми, а все вогнутости — волонтерами. С треском забвения отвалился новый мир злокачественным балконом, и балкой негодования он жёг в четвертичный период все свои основания для возмущения. Возникли, словно мандалами взрыва оскольчатые галактики. Они лишь нашему невооружённому глазу покажутся шарообразными при том, что на деле они всего лишь осколки, имеющие при себе приглушённую форму треугольного вида.

- Я похож на утку? Не, ну я ли похож на утку? Не мне ль походить на утку? - внутригортанно кудахтал профессор, доказывая свою новую теорию мироустройства Вселенной: «Мир», - утверждает учёный, - «система из бесконечномерных вогнутостей и выпуклостей. Наш ум отражает слепочные картины на плоскости в единственную форму восприятия при том, что двумерная проекция — увы — не более, чем проекция бесконечномерности. Мы думаем и замечаем — и вот уж катионы и анионы несутся в жажде нашего мозга запечатлеть все подобные те или иные осознания. Из каморки и восстанет его величество солитёр».

И Мир скопытился. И дальше — ничего. Белесая пустота, висящая в безоблачном Абсолюте самоочевидности. И в этой беспробудности проблесковым маячком звенела сахарная пыль. Её постепенно окутывал мягкий розовый туман. В розовом тумане утонули города, их шпили и ратуши не возвещали больше жителей о приходе зимы, и снега их были поглощены сладким, как сахарная вата, туманом сердечного лжесвидетельства.